

«ДИАЛОГ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ ЗАВИСИТ ОТ КУЛЬТУРЫ ДИАЛОГА...»

Материалы открытой дискуссии

Первого апреля 2011 года в Балтийском федеральном университете им. И. Канта прошла открытая дискуссия «Состояние и перспективы межкультурного взаимодействия в странах Балтии: фактор России». «Русская культура в странах Балтии: проблема или потенциал?», «Культурная политика и политизация культуры», «Русский язык как средство межкультурной коммуникации» – эти и ряд других тем стали основой для обмена мнениями, ради которого в Калининграде собрались политики, ученые, деятели искусства, журналисты из России, Литвы, Латвии и Эстонии. Представляем нашим читателям материалы этой дискуссии, обнажившей ряд по-прежнему острых вопросов российско-прибалтийского диалога и наметившей продуктивные пути культурной интеграции в балтийском измерении.

Андрей Клемешев, ректор БФУ им. И. Канта. Уважаемые коллеги! В преобразующемся университете, недавно получившем федеральный статус, мы открываем дискуссию, в которой примут участие ученые из Литвы, Латвии и Эстонии – наши ближайшие соседи и друзья. Я надеюсь, беседа, которая сегодня состоится, принесет всем нам пользу: мы наверняка будем лучше понимать друг друга, сможем вместе находить общие решения многих проблем, которые стоят перед всеми нами.

В нашем университете традиционно уделяется большое внимание теме, которая сегодня заявлена. Вышел в свет первый выпуск журнала «Слово.ру: балтийский акцент», который, возможно, станет своеобразной площадкой диалога не только для калининградских и, шире, российских авторов, но и для наших коллег из стран Балтии – всех, кого объединяет «балтийский акцент».

Михаил Швыдкой, специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству. Сам факт сегодняшней встречи, с моей точки зрения, очень важен: тут собрались люди, которые прекрасно знают, что такое межкультурный диалог и как сложно он развивался в последние 20 лет. Мне кажется, что когда

мы размышляем о российском факторе, то, конечно, в рамках этого межкультурного диалога мы можем отдельно говорить и о латышском, и об эстонском, и о литовском факторах, потому что это предполагает само здешнее пространство. Мы сегодня встретились в том месте — и сам университет имени Иммануила Канта служит тому подтверждением! — где переплетается множество культур, множество исторических линий. Балтийский регион — это особый мир с особой историей, особыми традициями, особым пониманием геополитических проблем — вообще, с особым миропониманием.

Двадцать лет назад произошли процессы, которые разделили наши государства. То, что за пределами России оказалось 25 миллионов русскоговорящих бывших сограждан, то, что они попали в достаточно двусмысленное политическое положение, — это было очевидно, как и то, что каждая из стран Балтии, по-новому строившая свою государственность, по-разному отнеслась к их судьбе. Объективно социально-исторические процессы, которые тогда происходили, оказали влияние на бытование русского языка, русской прессы, русских театров и многого из того, что определяет некий накал отношений между нашими странами.

Любая теория взаимовлияния, как известно, очень проста: если культура хочет воспринять что-то чужое, она это воспринимает, если не хочет воспринять — отторгает; и все состоявшиеся культуры в этом смысле в достаточной мере защищены своей идентичностью, собственной «органикой». Я говорю об этом только для того, чтобы было ясно: был Советский Союз, и была русская культура, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Здесь собрались люди, которые понимают, что одно дело — тоталитарная система, совсем другое — русская культура, которая испытала в отношении себя те же унижения и репрессии, что и культуры эстонская, латышская, литовская.

Мне кажется, что разговор о том, насколько русская культура оказала влияние на культуры стран Балтийского региона, невозможен без установления того, насколько культуры Балтийского региона оказали обратное влияние. Например, мы прекрасно помним, что русский театр — Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, — безусловно, определил очень многое в развитии и мирового театра, и театров Советского Союза; но одновременно такие великие режиссеры, как Мильтинис, в 1940–1960-х годах оказали колоссальное влияние на русский театральный мир. Эти процессы были внутренне целостными, их отзвуки можно найти в прозе Довлатова, и это вы подарили нам Веллера с его горячечным ощущением мира, которое могло сложиться только в холодной Прибалтике...

Вполне естественно, что у России есть свои политические интересы в отношении соотечественников за рубежом — неважно, где они живут: в Литве, в Латвии или в Украине; и мы будем отстаивать эти интересы, следить за тем, как в отношении наших соотечественников складывается законодательство, так же, как и в странах Балтии хотят, чтобы культурные автономии существовали на русской территории. Но помимо этой текущей, сиюминутной политики есть еще и взаимодействие культур — действительно, очень глубокое и широкое. И в этом смысле, я думаю, сегодня нам действительно есть о чем серьезно поговорить.

Моя позиция в этом вопросе очень проста: перспективы русского языка и культуры в зарубежье зависят не от того, что происходит в Латвии, Эстонии или Литве, — они зависят только от того, что происходит в России. Будет сильная Россия, будет привлекательный рынок труда, гражданам Прибалтики здесь — в Калининграде, в Санкт-Петербурге — будет предложена хорошая образовательная услуга, будет комфортнее и интереснее жить, учиться и работать — и русский язык станут учить, чтобы самореализоваться. Я, честно скажу, в этом смысле не очень надеюсь на Толстого и Достоевского, потому что мир очень уж изменился...

Я хочу закончить свое небольшое выступление старым анекдотом времен чешских событий 1968 года. В 1969 году в чешской школе учительница задает вопрос: «Дети, кто такие для нас русские — братья или друзья?» Мальчик отвечает: «Ну, конечно, братья — друзей ведь выбирают!» Так вот, я хотел бы, чтобы мы с нашими коллегами все-таки оставались теми братьями, которых выбирают. Мне кажется, что начиная с 1990-х годов мы вели слишком много ненужной, бессмысленной ругани и именно сейчас очень удобное время, чтобы начать диалог по существу, понять, чем же мы богаты. Хорошо говорят китайцы: «На скольких языках разговариваешь, столько жизней и живешь». Только в продуктивном диалоге может родиться что-то в высшей степени полезное и важное и для стран Прибалтики, и для России.

Юлюс Даутартас, депутат Сейма Литовской Республики. Очень важно делать все необходимое, чтобы в Латвии, Литве, Эстонии русскоговорящие люди чувствовали себя комфортно. И я вынужден сразу же признать: так бывает не всегда, хотя власти могут приводить разные факты. Надо отметить, что Русская Прибалтика — это общий регион, однако реальность в его странах разная. Каждая страна имеет собственные исторические связи с Россией, причем с *разной* Россией.

Что мы можем сделать для того, чтобы русскоговорящее общество лучше себя чувствовало в происходящих геополитических процессах?

В Литве, я считаю, все-таки нужно думать не столько о культуре, сколько об образовании. Все-таки образование, просвещение — детский сад, школа — потом переходят в другие аспекты: в реальный русский театр, реальный русский журнал, русское кафе, русскую улицу. Некоторые процессы мне как представителю Сейма, как бывшему председателю совета по культуре не всегда нравятся. Скажем, на литовском телевидении пропала русская программа; комитет, бесспорно, наложил свое вето, но, увы, литовское телевидение — организация независимая. В этом шаге не было политики, хотя мы и пытались объяснить, что это очень тонкая тема.

Журналисты сегодня задали мне несколько острых вопросов насчет языка. Русский язык — язык общения, язык большой культуры, — как они говорят, ассимилируется, русский человек как бы пропадает. Вильнюс всегда был мультикультурным городом, поэтому нам важна не только русская, но и польская, и еврейская, и все другие культуры. Но в литовском государстве идет естественное уменьшение населения, в равной степени и литовского, и польского, и еврейского, и русского, и из-за этого сокращаются все школы. Что же касается существования в Литве русского языка, то тут, мне кажется, более активно должна выступать Российская Федерация. Скажем, польское государство очень помогает своим школам; и мы не против принимать такую помощь, хотя литовские власти тоже будут вкладывать в это свои ресурсы — и финансовые, и политические, и социальные, и культурные. В Литве есть Польский институт, Французский институт, Институт Гёте — так, наверное, могут быть организованы и другие институты?

Я не буду лишним раз говорить о том, что Некрошюса очень любит Россия, что Будрайтис — самый лучший русский в Литве, — это знают все. Но я хочу вспомнить Цветаеву, которая заметила, какое большое значение имеет у символистов буква «Б». Балтрушайтис, Белый, Бальмонт, Брюсов, Блок — эти фамилии, эти пять «Б», которые имеют общемировое значение, должны стать символом литовско-русского фактора в культуре.

Михаил Швыдкой. Я хотел бы выступить с короткой репликой насчет телевидения. Мне уже приходилось говорить об этом представителям русскоязычной прессы, руководителям ведомств в Латвии и в Литве. Когда с государственного телевидения исчезают русскоязычные программы, происходит одна очень простая вещь: их аудитория начинает смотреть Москву, Петербург, RTVI, какие-то украинские каналы — и начинает жить в совершенно другом мире! Ведь это очень плохо для самой страны: люди, которые в принципе могут быть соци-

ально активными, могут продвигать идеи, являющиеся в этих государствах существенными, — эти люди живут политической жизнью Российской Федерации. С моей точки зрения, это значимая потеря для социально-политической жизни стран Балтии.

Яак Аллик, депутат Рийгикогу, министр культуры Эстонии (1995–1999). Мне кажется, что после 20 лет довольно холодных политических отношений между нашими странами когда-то должно наступить время для изменения вектора движения. Нам снова пора начать двигаться навстречу друг другу, и это чувствуют многие деятели культуры, предприниматели, простые люди среди эстонцев, не говоря уже о местных русских, которым никак не хочется все время доказывать, что они не троянский конь, оставленный Россией в Эстонии.

Сегодня русское население — наиболее социально и экономически уязвимая часть эстонского общества: более высокая безработица и более низкие доходы — у русских. Но главное обстоятельство, которое действительно угрожает сохранению русской культуры, а в итоге и национального идентитета русских в Эстонии, — это то, что сегодня русскоговорящее население почти не имеет собственной интеллигенции. Доля интеллигенции, особенно гуманитарной, среди этой группы была незначительна и в советское время, но поскольку возможности получения высшего образования на русском языке и рынок труда для русскоязычных специалистов в Эстонии крайне ограничен, то многие способные представители молодого поколения уже уехали и будут уезжать в западном направлении (хотя следует признать, что туда же уезжают и многие наиболее способные представители эстонской молодежи).

Я думаю, что главной целью российской политики поддержки соотечественников должна стать помощь в сохранении и воспроизводстве русской интеллигенции в Эстонии. Для решения этой задачи у русских в Эстонии собственных материальных и духовных средств недостаточно, а эстонское правительство не спешит понять приоритетность этой цели для сохранения межнационального мира в стране. Что касается защиты прав соотечественников, то в этом вопросе я бы советовал не увлекаться общими лозунгами, а разбирать на государственном, а если понадобится, то и на международном уровне те случаи, когда эти права нарушаются.

Из Эстонии очень трудно понять, почему нынешняя официальная Россия не хочет четко дистанцироваться от ответственности за содеянные сталинским режимом преступления и признать факт насильственного инкорпорирования в 1940 году государств Балтии в состав Со-

ветского Союза. Решение Госдумы по поводу Катюши и недавние высказывания президента Медведева и премьера Путина в отношении сталинских преступлений восприняты в Эстонии с большим одобрением, и это дает основания для надежды, что вопрос о «фальсификации истории» будет скоро вообще снят с повестки дня. Но для этого, разумеется, и некоторые эстонские политики должны забыть свои утверждения о том, что за свободу Эстонии можно было бороться в составе гитлеровской армии.

Если вернуться к благородной цели политики соотечественников — поддержке, сохранению и воспроизведению русской интеллигенции в Эстонии, то для этого можно найти очень разные формы и методы. Думаю, в этом интересы России совпадают с интересами рационально мыслящей части эстонского общества. В последнее время в этой области уже что-то делается: открыт и активно действует Институт Пушкина, но этого, конечно, недостаточно. Острейшей проблемой русской школы остается подготовка учительства: эстонское государство оказывает только поддержку в подготовке учителей русского языка для эстонских школ и эстонского — для русских. Учительский корпус становится все старше, а его омоложение происходит случайным образом. Решению вопроса, возможно, могло бы помочь межправительственное соглашение о подготовке в России из выпускников русских гимназий в Эстонии учителей для русских школ; другой вариант — наладить такую подготовку силами русскоязычных частных вузов Эстонии, но для этого тоже понадобилась бы научно-методическая помощь со стороны России.

Очень тяжелый период переживает частное высшее образование на русском языке в Эстонии — уже по демографическим и экономическим причинам. Годами не удастся наладить элементарные формы сотрудничества между частными вузами. Возможна ли помощь России в этом вопросе? Полагаю, она может быть вполне ожидаема как минимум по следующим направлениям: целевой прием в аспирантуру и докторантуру молодых преподавателей и исследователей из Эстонии, совместные семинары и конференции с учеными из России, работа по единым исследовательским проектам, а может быть, и создание центра социально-экономического и культурологического мониторинга положения русскоговорящего населения в странах Балтии.

Кардинальное решение проблемы подготовки интеллигенции, в том числе учительства, для русскоговорящей части общества не может, конечно, состояться без доброй воли эстонского государства и согласованной политики Эстонии и России по данному вопросу. Базой для решения этого вопроса могли бы стать уже созданные колледжи

при Тартуском, Таллинском и техническом университетах, работа которых ориентирована на русскоговорящих студентов. Учебные программы в этих колледжах построены таким образом, что предполагают постепенный переход с русского на эстонский язык обучения. Это, конечно, важно для владения государственным языком на необходимом для работы уровне, но должно быть согласовано с качеством преподавания и поэтому дополнено принципом, который действует в эстонских вузах, когда к занятиям привлекаются преподаватели-иностранцы, работающие на английском языке. Если будет признано необходимым, что для положительной интеграции эстонского общества требуется остановка оттока мыслящей части русскоязычной молодежи на Запад, то, я думаю, не будет ничего плохого, если подготовка специалистов в государственных вузах Эстонии будет вестись отчасти и на русском языке с привлечением специалистов из России, чьи лекции, несомненно, были бы интересны и эстонцам. Но ждать особой активности в этом вопросе от эстонской стороны, конечно, сейчас не приходится.

В области культуры между нашими государствами с 1996 года действует межправительственное соглашение о культурном обмене и сотрудничестве. Но это соглашение направлено главным образом на сотрудничество и обмен между коллективами так называемых титульных наций. Эстония, конечно, помогает деятельности культурных учреждений, коллективов национальных меньшинств, но этой помощи явно недостаточно. Государственный русский театр в Таллине поддерживается наравне с такими же эстонскими театрами; но именно из-за нехватки русской интеллигенции он имеет постоянные проблемы с посещаемостью спектаклей. Недавняя попытка готовить актеров для театра с помощью Школы-студии МХАТ желаемого результата не дала: из окончивших школу 13 актеров в театре работают лишь четверо. Еще больше нуждаются в разносторонней российской помощи профессиональные театральные коллективы в городах Нарва и Йыхви. Существование Нарвского театра буквально висит на волоске: городские власти, между прочим в основном состоящие из русских, дотируют театр в размере 700 долларов в месяц, а в нем на номинальную зарплату трудятся 12 высококлассных энтузиастов. Полагаю, что Россия могла бы активно помогать и в отдельных случаях спасти творческие коллективы, выделяя гранты под конкретные проекты, поддерживать писателей, переводчиков, художников, журналистов, своим творчеством сохраняющих и приумножающих русскую культуру в Эстонии. Здесь же следует указать и на то, что в Эстонии уже нет ни одной русскоязычной ежедневной газеты, а литературно-художествен-

венные журналы «Таллинн» и «Вышгород» фактически превратились в ежеквартальные альманахи без постоянных средств к существованию.

Продуманная и целенаправленная поддержка русскоязычной интеллигенции, а не маргинальных политических группировок со стороны России могла бы стать серьезным вызовом и для эстонских властей. Такая системная помощь не только спасет всю русскую общину в Эстонии от деградации, но и может стать нравственным аргументом против политики ассимиляции русскоязычного меньшинства. Еще один серьезный резерв для поддержки русскоговорящих жителей Эстонии — это внимательное отношение к этническим эстонцам и финно-угорским народам, живущим в России. Насколько бы убедительнее выглядела Россия, помогай она более целенаправленно своим финно-угорским гражданам поддерживать и развивать экономические, культурные, человеческие контакты с Эстонией и, конечно, прежде всего свой язык и культуру.

И последняя идея. Я думаю, что очень действенным каналом помощи соотечественникам может быть укрепление и активное развитие тесного сотрудничества с мастерами искусства Эстонии, а также с молодым поколением эстонской интеллигенции, для многих из которых Россия представляется мистической страной, которая притягивает их интересы, но в которой они никогда не бывали. Отрадно, что странство для таких контактов снова стало расширяться. А в последние годы начал возрастать интерес к изучению русского языка у эстонских школьников: так, если в 1999 году доля эстонских школьников, изучающих русский язык, упала до 28 %, то сегодня она составляет 38 %.

Человеческие контакты в любых формах всегда делают доброе дело. Поэтому я высоко ценю приглашение молодежных организаций эстонских политических партий участвовать в работе лагеря на озере Селигер минувшим летом. Несмотря на противоречивый характер происходившего там и на атаки в эстонской печати на молодых политиков, принявших это приглашение, я убежден, что такие контакты следует продолжать и расширять. Большое дело делает и обмен поездками школьников во время каникул, который практикуют московские и таллинские городские власти.

Вы можете спросить: зачем мне, эстонскому политику, обо всем этом заботиться? Не будь я эстонским русофилом, каковых в сегодняшней Эстонии, признаюсь, не так уж много, я бы утверждал, что нам, эстонцам и русским в Эстонии, уже в общем-то все равно, почему поссорились 20 лет назад наши страны и что они вместе и порознь теряют от этого экономически и политически. Но нам станет совсем безразлично, если это обернется для нас уменьшением роли или даже

уходом России с культурного и человеческого пространства Эстонии. Если серьезно, то без российской нефти как-то просуществовать можно, но очень трудно жить без русской культуры, без тех ценностей, которые создавались в ее недрах, получили распространение и признание во всем мире и стали частью самосознания очень многих людей, причем не только русских, но и живущих за пределами России.

Игорь Пименов, депутат сейма Латвийской Республики. Я представляю здесь общественную организацию, которая выступает в Латвии за сохранение и развитие образования на русском языке. Михаил Ефимович Швыдкой верно заметил, что на самом деле судьба русского языка и отношение к русскому языку формируется не в Латвии, Литве или Эстонии, а в самой России. На этом-то я и хотел бы остановиться. Я буду говорить о Русском мире как о концепции, которая все чаще используется в рамках разных дискуссий.

О Русском мире начали говорить, насколько я понимаю, еще со времен собирания русских земель вокруг Московии. С тех пор прошло много времени, и после распада Советского Союза эта тема стала вновь актуальна. Отрадно, что от разговоров, которые поначалу вели культурологи, политики, богословы, эта тема перешла к конкретному оформлению: был создан фонд «Русский мир». Мне кажется, что цели, объявленные этим фондом, а значит, и цели всей государственной политики Русского мира, проводимой Российской Федерацией, сформулированы очень точно: это популяризация русского языка и поддержка программ его изучения. В этом — вся работа, вся цель и весь смысл Русского мира.

Русский язык — это то, что объединяет миллионы людей не только в России и государствах бывшего Советского Союза, но и по всему земному шару. Язык сплачивает людей, которые являются русскими как по своему этническому происхождению, так по образованию, которое они получили — не обязательно в России, они могли учиться на русском языке и в Киеве, и в Минске, и в Тбилиси. Это и люди, которые знают русский язык, потому что слышат его от своих родителей, которые когда-то учились в Донецке, а теперь работают медиками где-нибудь в Арабских Эмиратах, — все это тоже Русский мир, это тоже русский язык.

У нас в Латвии были попытки создания русского движения, оторванного от России. На мой взгляд, это ошибочно: Русский мир до той поры русский, пока это мир, который формируется москвитями, ориентируется на культуру, сконцентрированную и отстоявшуюся на фильтре московско-петербургской оси.

В качестве одной из аналогий я хотел бы привести франкофонию. В свое время франкофония сформировалась как имперская ностальгия по развалившейся франкоязычной империи. Но она прошла длительную эволюцию, и теперь это движение, которое объединяет людей, просто говорящих или хотя бы мало-мальски понимающих по-французски. Это государственная политика, предполагающая проведение мероприятий в разных уголках земного шара, она с пониманием относится к любому человеку, который хотя бы немного владеет французским языком. Низший, но при этом самый широкий уровень франкофонии — это люди, которые просто испытывают симпатию ко всему французскому: они слушают французские песни, любят французскую кухню и т.д. И все эти, вплоть до кажущихся несерьезными, проявления франкофонии на самом деле создают чрезвычайно благоприятную среду для восстановления французской культуры и французского языка на всем земном шаре.

Мне представляется, что у русского языка может быть такое же будущее. Причем основа для образования русофонии, или русскоязычия, наверное так будет правильнее, очень широкая. Прежде всего, это Россия. Кроме того, у нас есть государства, где русский язык является официальным наряду с национальным, — это Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан. Далее, это почти все государства бывшего Советского Союза, где еще говорят по-русски, — к сожалению, говорят все меньше и меньше. И еще одна группа — это выпускники советских и российских вузов, имя им легион: это врачи, военные, инженеры, политики, филологи...

Мне кажется, очень важно, чтобы это движение не было наступательным. Главное, чтобы Русский мир воспроизводился изнутри, чтобы русофоны ориентировались не только и не столько на Россию, сколько на общение между собой. Я представляю, что для Москвы чрезвычайно важно, чтобы пружины восстановления русского языка находились не в Государственной библиотеке рядом с Кремлем, а по всему земному шару; чтобы болгарские русофоны устанавливали свои горизонтальные связи с соседями, живущими в Румынии, Венгрии, Сербии; чтобы в Венесуэле, Аргентине, Колумбии бывшие выпускники российских и советских вузов тоже создавали бы свой Русский мир. Я думаю, что такое направление чрезвычайно укрепит авторитет Российской Федерации на многие годы, сделает его гораздо более жизнеспособным, устойчивым и в конечном итоге обеспечит устойчивость русского языка в странах Балтийского региона.

Дануте Балшайтите, профессор Института иностранных языков Вильнюсского университета. Поскольку я являюсь преподавателем русского языка в Вильнюсском университете, я буду в основном говорить о проблемах с преподаванием русского языка в Литве.

Литва — достаточно мононациональное государство — и, как это ни парадоксально, государство многокультурное. В Литве проживают представители разных национальностей, но наиболее многочисленными являются русская и польская диаспоры. Согласно опросам, в настоящее время около 60 % граждан Литвы владеют русским языком. В то же время результаты социолингвистического исследования, проведенного профессором Анастасией Забродской — кстати, профессор представляет Таллинский и Тартуский университеты, — показали, что литовцы в Литве общаются практически на одном литовском языке и только 14 % из них смотрят передачи российского телевидения. Примерно 50 % поляков используют родной язык в общении дома и около 39 % — в общении с коллегами, а в остальных случаях они переходят на русский или литовский. Русские жители Литвы даже дома далеко не всегда говорят на русском языке: в Литве очень много смешанных семей, поэтому часто в бытовой сфере используется литовский язык.

Однако в последние годы в Литве резко возросло число желающих изучать русский язык. И когда на страницах русскоязычных газет бьют тревогу по поводу того, что количество русских школ сокращается — и действительно, оно сократилось до 34 школ, в которых сейчас учится около 16 тысяч школьников, в то же время школьники в литовских и польских школах все активнее выбирают русский язык для изучения в качестве второго иностранного. Несомненным лидером в школах и вузах, так же, как и в других европейских странах, остается английский язык: по официальным данным, в 2009 году в литовских школах 90 % школьников изучали английский язык, 25 % — немецкий, 5 % — французский. Однако в том же 2009 году 50 % школьников совершенно осознанно выбрали как второй иностранный русский язык. В 2011 году уже 73 % учащихся польских и литовских школ делают такой выбор, изучают русский язык начиная с шестого класса.

Причины такого интереса к русскому языку, на мой взгляд, сугубо индивидуальны. Конечно, одним из основных остается экономический фактор: старшеклассники и их родители убеждены, что будут лучше востребованы на рынке, если наряду с английским будут знать и русский язык. Но при этом очень мощным фактором остается могучая русская культура.

Так, в нашем Институте иностранных языков Вильнюсского университета есть специальность «Английский и испанский языки». Из

беседы с первокурсницей, выпускницей литовской школы, я выяснила, что она очень хотела бы изучать еще и русский язык. Я спросила ее, почему, — и представьте, каково было мое удивление (я работаю со студентами — выпускниками и литовских, и русских, и польских школ, и далеко не каждый из них знает, например, произведения Чехова), каково же было удивление, когда эта девочка ответила, что хочет читать на языке подлинника... Мандельштама и Пастернака! Оказывается, любовь к русской литературе ей привила учительница в школе. И я думаю, что пока рядом с Литвой, Латвией и Эстонией существует государство с такой могучей культурой, русский язык будет оставаться востребованным.

Мне хорошо знакома академическая среда, и я могу говорить о тенденции увеличения числа изучающих русский язык в Вильнюсском университете. Если три или четыре года назад в течение одного семестра мы обучали всего две группы (а это не более 30 человек) на весь университет, то в весеннем семестре 2011 года русский выбрало более 270 человек. В Вильнюсском университете русский язык по количеству желающих изучать его как второй иностранный практически догоняет очень популярный в Литве испанский язык.

И как вузовский преподаватель русского языка я не могу не сказать об одной опасной тенденции. Да, количество желающих изучать его возрастает — но его качество в плане культуры речи за последние 10 лет резко снизилось. Сегодня перед преподавателями в школах и университетах стоит сложный вопрос: как обучить желающих *правильному* русскому языку? Очень серьезную роль в этой ситуации могли бы сыграть литовские русскоязычные СМИ. В Литве издаются четыре еженедельника на русском языке, действует великолепный русский драматический театр (кстати, посещаемый чаще литовцами, чем русскоговорящими), ведется вещание на телевидении и радио.

В 2008—2009 годах я пыталась оценить язык русскоязычных газет, причем специально выбирала только те статьи, которые представляли собой переводы с литовского языка на русский. И я вывела для себя такую единицу измерения: количество ошибок на квадратный дециметр газетной полосы. Практически каждое второе предложение требовало стилистической правки; из 15 проанализированных мною номеров газет, каждый из которых содержал по несколько переводных статей, мне удалось набрать 485(!) предложений, в которых содержались те или иные речевые и стилистические ошибки.

Почему я так заостряю внимание на языке русскоязычных СМИ в Литве? Потому что мне очень трудно объяснить студенту, что так говорить нельзя: вера в печатное слово по-прежнему очень велика, и ве-

рят больше не тому, что пишут, а тому, как пишут. А переучить студента, который читает местные газеты, уже почти невозможно. Мне кажется, сегодня в Литве настала пора очень тесного сотрудничества всех русистов, журналистов, всех занимающихся русским языком и говорящих на нем для срочного решения этой проблемы.

Денис Тарасенко, заместитель редактора газеты «Литовский курьер». Г-жа Дануте сейчас подняла очень важный вопрос, и мне кажется, что сегодняшняя дискуссия, которая проходит здесь, в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, может стать мощным стимулом для активизации нашего сотрудничества с университетом уже в Вильнюсе.

Недавно был подписан закон об образовании, который регламентирует нововведения в так называемых «школах нацменьшинств» (хотя такого понятия юридически не существует) в Литве. Можно много дискутировать, хорош этот закон или плох, но основная его суть — в том, что образование на государственном языке очень укрепило свои позиции: на нем должно вестись преподавание истории, географии, ряда других предметов, что составляет не менее 50 %. Как нам ни оценивать этот закон, к сожалению, к его разработке не были привлечены такие специалисты, как г-жа Балшайтите, — политики не обратились к академическому сообществу, и закон принят таким, какой он есть.

Я как представитель СМИ не согласен с рядом его положений — например, с тем, что у нацменьшинств низкий уровень владения государственным языком. Может быть, это справедливо для старшего или среднего поколений, но уж в любом случае не для молодежи: те молодые люди, которые закончили русскоязычные школы в Литве в последнее время, прекрасно владеют литовским языком — более того, именно литературным литовским языком. Кстати, г-жа Дануте в беседе привела мне контраргумент: точно так же многие литовцы в Литве лучше владеют русским языком, чем сами русские.

Что же касается снижения уровня владения языком в СМИ, о котором сегодня говорилось, то, несомненно, с этим нужно бороться. Однако, на мой взгляд, тому есть некие объективные причины, которые никак нельзя игнорировать. Скажем, тот же Вильнюс — это самый сложный микс из литовского, русского, польского и других языков, и эта особенность постоянно влияет на бытовое общение. Нередко в русскоязычных газетах — и в нашей в том числе — литовские слова используются без перевода, просто в кириллическом написании. Конечно, инициатива исправлять эту ситуацию должна была бы исходить от

СМИ, но коль уж само академическое сообщество призывает нас к этому, готово идти нам навстречу и помогать, то, конечно, такое предложение нельзя не принять.

И еще одна маленькая ремарка относительно русскоязычных СМИ в Литве. Михаил Ефимович Швыдкой совершенно справедливо заметил, что если отсутствует собственный, местный информационный продукт, то его потенциальная аудитория обязательно попадает в информационное поле другой страны, в данном случае России. Как бы в малое оправдание наших языковых ляпов хочу сказать, что всего три года назад газета «Литовский курьер» оставалась практически стопроцентным дайджестом — мы публиковали материалы о культуре и шоу-бизнесе из российских СМИ. Ну а поскольку это перепечатка, она была максимально грамотной. Три года назад мы решили кардинально изменить концепцию и создать полностью оригинальный информационный продукт — да, пусть с ошибками, но теперь это в полном смысле русскоязычная газета о Литве.

Альгирдас Гайжунис, ректор Вильнюсского педагогического университета. Я думаю, что некоторые вещи, связанные с культурным обменом — обменом ценностями, идеалами, — зависят от культуры диалога. Хочу это особо подчеркнуть: диалог между культурами зависит от культуры диалога. Вот этой-то культуры диалога, к сожалению, многим сторонам нередко не хватает, особенно когда дело касается телевидения, средств массовой коммуникации и т. п.

Иногда меня оскорбляет то, что я слышу в Литве или по российскому телевидению, как экстраполируются простые детали повседневной жизни. Можно слышать: в Литве сокращаются русские школы, литовцы не дают русским свободы в развитии своего языка, в университетах закрываются кафедры славистики... Я хочу сказать несколько слов по этому поводу.

Надо иметь в виду, что мы живем в Европейском союзе, а он не является каким-то островом — многие процессы схожи и в Евросоюзе, и в России. Имеются общие тенденции мирового развития, и когда мы говорим о профессиональной ориентации молодежи, то видим в странах Балтии некоторый перекося, ненужный и подозрительный: молодежь сейчас бросается в объятия тех наук, которые дают гарантии быстро найти работу, помогают легко решать жизненные проблемы. Поэтому молодые люди выбирают право, экономику, менеджмент, логистику и т. п. — более половины из них ориентированы на социально-экономические науки. А что же остается гуманитариям — всего около 10 %; на естественные науки, выбор которых всегда, в том числе и в со-

ветское время, серьезно поддерживался школьным образованием, тоже приходится не более 11–13%. Иными словами, количество студентов-гуманитариев стремительно сокращается.

В нашем университете всегда были очень сильные кафедры английского, немецкого, французского и, конечно же, русского языков. Сейчас мы оставили всего две кафедры языка, дидактики, межкультурной коммуникации. И когда мы слышим такие разговоры, которые я упомянул, то они отнюдь не улучшают взаимопонимание. Я как ректор и мои коллеги – профессора-слависты – были и остаемся заинтересованы в том, чтобы это лингвистическое направление сохранилось, чтобы оно дышало полной грудью, чтобы из нашего университета вышли учителя-просветители, которые действительно хорошо знают русский язык, прекрасно понимают русскую культуру. Поэтому, я думаю, что подобные соображения – дескать, кто-то что-то нарочно закрывает, будто бы за этим стоит политика – это или намеренная ложь, или простое непонимание ситуации.

А теперь что касается вещей более позитивных. Мы недавно открыли в нашем университете Русский центр – они сейчас существуют более чем в ста точках по всему миру. Этот центр играет очень существенную роль, он важен не только русистам, но и студентам практически всех специальностей. Почти каждую неделю, каждый месяц здесь проводятся интереснейшие мероприятия, связанные с русской культурой, русской словесностью, историей, философией.

Конечно, таких «борцов с русским», о которых сегодня упоминали мои коллеги, и у нас хватает. Помню, когда мы открыли Русский центр – открыли торжественно, в присутствии представителей фонда «Русский мир» из Москвы, – очень скоро я увидел по нашему телевидению передачу, в которой один очень видный политический деятель утверждал, что сейчас Россия проводит свою экспансивную политику через некоторые точки, одна из которых расположена в Вильнюсском педагогическом университете. Я хочу сказать, что в любых странах всегда есть такие политики, которые смотрят на вопросы межкультурного обмена слишком упрощенно, слишком поверхностно.

Думаю, что многие наши дела межкультурного общения улучшились бы, если бы мы сами смотрели на них более ответственно. Недавно мы подписали договор о сотрудничестве с г-ном Андреем Клемешевым, и я считаю, что благодаря этому мы продвинулись еще на шаг к взаимопониманию. Мы посылаем на практику в университет Калининграда 15 наших студентов и взамен ждем 15 студентов из Балтийского федерального университета, которые изучают литовский язык, к нам в гости. Важно, чтобы эти культурные среды существовали не на

бумаге, а в реальности — в живом процессе общения, чтобы ваши студенты могли познакомиться с нашей жизнью, с нашими обычаями. Я думаю, что такие центры играют большую роль — возможно, они даже более важны, чем финансовая помощь. Я как философ придерживаюсь богословской позиции: духовное начало должно возвыситься над всеми прочими, и это самое главное в жизни. И я уверен, что для межкультурного диалога нужно использовать множество разных форм, смело эксплуатировать их и не бояться критиков — ни в своей стране, ни за рубежом.

Наталья Бабенко, научный руководитель Научно-образовательного центра «Русская Балтика» БФУ им. И. Канта. Уважаемые коллеги, считаю необходимым сказать о соотношении финансовой стороны и доброй воли. Сразу же хочу выразить благодарность г-ну Гайжутису, потому что деятельность Вильнюсского педагогического университета — это как раз показатель и доброй воли, и той самой культуры диалога, о которой говорил г-н ректор.

Мы поддерживаем очень хорошие связи с Вильнюсским педагогическим университетом — например, в сентябре прошлого года мы проводили в Вильнюсе выездную конференцию по гранту фонда «Русский мир». С одной стороны, благодаря финансовой поддержке фонда 20 наших преподавателей имели возможность посетить Вильнюс и провести там действительно плодотворное обсуждение научных проблем. С другой стороны, в равной степени это мероприятие было бы невозможно без поддержки ректора Вильнюсского педагогического университета, который принял нас в свои объятия, не рассуждая, сколько лекционных аудиторий мы займем под заседания в самое горячее учебное время. Вот это последнее, конечно же, зависит уже не от финансовых условий — это и есть то проявление культуры диалога, о которой мы сегодня говорим. И, добавлю, Русский центр, открывшийся при Вильнюсском педагогическом университете, работает активно и плодотворно именно благодаря доброй воле г-на ректора — а ведь мы знаем, что, по справедливости, Русским центрам, которые открыты во многих странах, далеко не везде комфортно существовать. Вильнюсский педагогический университет в этом отношении почти уникален.

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о фонде «Русский мир», с которым мы сотрудничаем практически со дня его основания. Первым нашим грантом, который был одобрен фондом, стал проект проведения учебно-методического семинара для учителей-русистов Литвы. В 2008 году мы приняли у себя 30 литовских преподава-

телей русского языка из Вильнюса, Каунаса, Марьямполье, Йонишкиса, провели для них пятидневный обучающий семинар и выпустили в поддержку этого семинара методический сборник «Современный урок русского языка». В 2011 году наши кураторы из фонда предложили нам возродить эту форму работы, эту тему, и сейчас мы готовим программу аналогичного семинара, куда пригласим клайпедских русистов, которые не смогли принять участие в предыдущем проекте, и, очевидно, русистов из Гданьска, с которыми также тесно сотрудничаем.

Попутно хочу отметить, что очень важное для нас направление, связанное с методикой преподавания русского языка как иностранного, мы стараемся поддерживать иногда даже в самых неожиданных формах. Например, по дороге из Вильнюса с уже упомянутой конференции осенью прошлого года мы нашли возможность заехать в Клайпеду и провести небольшой – исходно, кстати, не запланированный в грантовой заявке – учебно-методический семинар для клайпедских учителей, привезли им художественную и справочную литературу на русском языке. Аналогично мы поступили во время проведения второй из поддержанных «Русским миром» конференции – в Гданьске в октябре прошлого года, где в Центре российской науки и культуры организовали небольшой учебно-методический семинар для польских русистов.

Кроме того, «Русский мир» поддерживает наши сугубо научные инициативы – я уже сказала о двух конференциях, проведенных под эгидой фонда прошлой осенью, а раньше мы организовали научную конференцию «Лики Русского мира». Очень важно, что к этим конференциям мы выпускаем не только традиционные сборники материалов, но и издания более широкой направленности. Так, в 2008 году нам удалось выпустить тематический сборник «Побережье: русско-литовские образовательные и культурные связи». Хотя по условиям гранта его объем ограничился десятью печатными листами, на самом деле этот сборник вполне мог быть в пять, десять раз толще: связей, объединяющих нас, очень много, и о многом хочется рассказать, порассуждать, многое вспомнить. В прошедшем, 2010 году, вышло второе «Побережье» – на этот раз сборник был посвящен русско-польским образовательным и культурным связям. Это всего две капельки Балтийского моря, но, мы уверены, это важное и нужное начинание.

А особое внимание я хочу обратить на следующее – мне кажется, здесь мы затронем еще одну очень важную тему для обсуждения. В оба сборника мы совершенно сознательно включили рубрику "Bilingua", а именно помещали материалы на литовском и польском языках соответственно; причем поэтические тексты давались параллельно с пере-

водами на русский язык, а аналитические материалы (в последнем сборнике) мы приводили на языке оригинала. И я хочу особенно подчеркнуть: очень хорошо и полезно, что фонд «Русский мир» поддерживает наше стремление здесь, на Балтике, не замыкаться только в пределах русского языка, а уважать — и это уважение проявлять — другие языки этого региона. Ведь если мы говорим об *общем* культурном пространстве, то в нем русский язык, конечно, может выполнять роль языка межнационального общения, и он это успешно делает, и понятно, что это для нас приоритет. Но мы отчетливо понимаем: в этом пространстве должно быть место — и место достойнейшее! — для литовского, латышского, эстонского, польского, немецкого языков. Эту установку мы будем всячески стараться проводить в новых проектах, над которыми сейчас работаем.

Русский язык там, где он выступает как *lingua franca*, должен сохранять эту свою роль. Более того, мы считаем, что русский язык обогащается именно тогда, когда мы имеем дело с переводческой практикой. И когда речь идет о факторе России, как он заявлен в теме сегодняшней дискуссии, то очевидно, что фактор этот состоит вовсе не в том, чтобы замкнуть пространство русского языка, чтобы говорить только по-русски и только о русском. Можно говорить по-русски о других культурах, можно слушать, как другие страны говорят о России на своих языках — и только тогда культурный диалог будет настоящему полноценным и плодотворным.

Эдуард Цеховал, директор Рижского театра им. М. Чехова. Я хотел бы продолжить тему горизонтальных связей, которые очень важны для понимания русского языка и русской культуры за пределами России.

В 2006 году мы в нашем театре решили поставить спектакль по трем произведениям Ф.М. Достоевского — «Бобок», «Чужая жена и муж под кроватью» и «Крокодил». Столкнувшись с тем, что такое большое количество ярких ролей не распределить на нашу труппу, мы решили сделать спектакль силами трех русских театров Прибалтики — Литвы, Эстонии и Латвии. Мои коллеги откликнулись на этот призыв, и спектакль был поставлен. Идея заключалась в следующем: этот спектакль, который играют актеры из трех стран, будет «стационарно» присутствовать в программе театров трех прибалтийских столиц, жить одновременно в трех странах.

Процесс реализации и впоследствии эксплуатации этой идеи показал, что она вполне жизнеспособна. После этого возникла мысль создать Балтийскую ассоциацию русских театров, которая продолжила

бы этот удачный эксперимент, в том числе и за его непосредственными рамками: сюда включились бы подготовка и повышение квалификации актерских кадров, совместная издательская деятельность и множество других направлений совместной работы. Так получилось, что в 2004 году волею судеб эти театры стали единственными государственными русскими театрами в Евросоюзе; и наше расположение в 300 км друг от друга для культурного туризма не расстояние.

В программе сегодняшней дискуссии обозначен фактор России. Важно, чтобы существовала реальная точка приложения этого фактора. Мы здесь, на территории трех стран благодаря тому, что у нас есть один коммуникативный код — русский язык, можем консолидировать творческий, финансовый, административный ресурсы. И я думаю, что именно в этом — путь не выживания, а достойной жизни русских театров в Прибалтике.

Светлана Янчек, директор Русского театра в Таллине. Вокруг Русского театра в Таллине существует множество скандалов и болезненных вопросов, однако, на мой взгляд, главная связанная с ним проблема состоит в том, что вопрос экономический подменяется вопросом социальным. Все эти скандалы, по сути, касаются одной «производственной единицы», но при этом вопросы ставятся таким образом: а имеет ли право на существование Русский театр как театр с государственной дотацией и театр репертуарный? В связи с этим существуют две основные точки зрения: первая сводится к тому, чтобы Русский театр был театром проектным, а вторая — совершенно экстремистская, причем ее высказывают и русские деятели культуры — говорит о том, что Русский театр в принципе не нужен, потому что он является рудиментом, атавизмом советской эпохи.

Если говорить о первом пути, то он заведомо невозможен. Недавно мы беседовали на телевидении с Яком Алликом, и он высказал справедливое мнение, что содержать проектный театр намного дороже, чем дотировать со стороны государства репертуарный театр. Ведь если наш актер не играет каждый день, то раз в году один проект он заведомо не сыграет; следовательно, понадобится приглашать актеров из-за рубежа, в крайнем случае из соседних стран Балтии.

Что же касается второй точки зрения, то здесь наблюдается одна любопытная закономерность. Впервые о создании профессионального русского театра в Эстляндской губернии заговорили в 1892 году: в «Дерптском листке» писалось о том, что министерство Императорского двора подумывает открыть здесь русский театр. К тому времени население в Таллине составляли на 42 % немцы, на 35 % — эстонцы, а ос-

тавшаяся часть, немногим более 20 %, были те, кто говорил на русском языке. Даже в тех условиях уже шла речь о возможном создании русской труппы! Так что если мы сегодня уйдем отсюда, закроем Русский театр, то пройдет еще лет 40–50, и все вернется к необходимости создавать новый театр.

Если говорить о русском факторе применительно к нашему театру, то возникает довольно интересная ситуация. Да, мы получаем государственную дотацию примерно наравне с эстонскими театрами. Но большая часть постановщиков, режиссеров, которые приезжают к нам из России, стоят в полтора раза — а иногда и в четыре, пять — дороже, чем художники, режиссеры, которые работают в эстонских театрах. Иначе говоря, само производство спектакля для нас оказывается дороже. Вот каково влияние фактора России сегодня на Русский театр в Таллине.

На нынешнем этапе русское население Эстонии не соотносит Русский театр со своей повседневной жизнью: театр существует «где-то», но ходят туда редко, о нем преимущественно узнают из газет. В связи с этим одно из направлений нашей работы — это театр социальный; в 2008 году, в годовщину «бронзовой ночи», мы пытались поставить спектакль «Памятник» о тех событиях. Для нас это важная возможность как-то соприкоснуться с той жизнью, которой живет русская община в Эстонии.

Когда мы говорим о том, что нужно составлять репертуар из классического наследия, то на самом деле только кажется, что классика — это образовательная программа, позволяющая помнить о традиции. Нет, это прежде всего программа языковая. Сокращение преподавания русского языка в эстонских школах приводит к тому, что он постепенно становится уже даже не бытовым языком — он становится языком улиц, сленгом. И когда дети, подростки приходят в театр на классическую постановку, это пусть маленький, но шанс ввести в их обиход, в их сознание другой русский язык. И в этом смысле Русский театр, несомненно, нужен.

Яак Аллик. Чтобы не сложилось предвзятого или неправильного понимания в связи с тем, о чем говорила г-жа Янчек, хочу сделать маленькую ремарку. Проблема необходимости Русского театра в Таллине, его права на существование дискутируется исключительно в кругах русскоязычной интеллигенции — ни один театральный деятель и даже ни один политик в Эстонии никогда не подвергал это право сомнению. Действительно, государственную дотацию Русский театр получает на том же уровне, что и театры эстонские.

Андрей Клемешев. Когда мы пытаемся понять, что сейчас происходит с русским языком в Литве, Латвии, Эстонии, задаемся вопросом: а что происходит, например, с литовской культурой? Деградация сегодня прослеживается во всех национальных культурах, и это надо видеть совершенно однозначно. Когда мы говорим о молодежи, о том же языке улиц — а какой сегодня язык улиц, есть ли он вообще? Что такое интернет-культура, что такое язык СМС? Мы ведь видим, что деградируют в равной степени и русский язык, и другие национальные языки.

В этом смысле не надо постоянно стараться увидеть в сегодняшних процессах какую-то злокозненность. Мне кажется, мы должны действительно серьезно подумать о том, что перед нами стоит проблема, общая для всей культуры. Как бы громко это ни звучало, но мы здесь представляем более высокие слои культуры, мы говорим о театрах; а ведь сегодня основная часть населения сталкивается с культурой совсем другой — с масс-культурой! И проблема заполняемости театров касается не только Русского театра.

С этой точки зрения обязательно должны быть площадки, темы, которые нас объединяют; нам нужна общая проблематика, которая позволит подумать: а как же нам все-таки сблечь свою самость? Ведь когда мы сохраняем чужую культуру, мы тем самым сохраняем и культуру свою собственную; когда мы помогаем сохраняться любой национальности, мы тем самым помогаем сами себе. Если не будет на должной высоте литовской культуры, то, естественно, русской культуры в Литве тоже не будет. И когда происходит ненужная политизация этих вопросов — любыми политиками: русскими, литовскими, эстонскими, — ничего хорошего в этом нет. Политики и даже экономисты рассуждают на короткий период времени, а если речь идет о культуре, то это уже длинные «волны». Именно об этом, как мне кажется, мы должны думать в первую очередь, именно такие площадки искать. И мы вполне готовы сделать наш университет одной из площадкой для диалога.

В своем вступительном слове Михаил Ефимович Швыдкой поставил вопрос: достаточно ли сегодня Толстого и Достоевского? Существует Русский театр — что там ставится, с чем наша культура сегодня идет не просто в массы, а прежде всего в активные слои населения, к молодежи? Достаточно ли культуре только ее «золотого фонда», достаточно ли, предположим, Донелайтиса для культуры Литвы? Я думаю, нет, так же, как недостаточно Пушкина для русской культуры.

А что касается взаимодействия культур и роли русского фактора, то я глубоко убежден: если изъять русский язык и культуру из современ-

ной жизни стран Балтии, то это, конечно же, их очень обеднит. И наоборот: присутствие здесь, в Калининграде, проявлений в той или иной форме литовской культуры нас только обогащает.

Татьяна Фейгмане, директор Института русского культурного наследия Латвии. Для меня как историка эта земля, на которой мы сегодня встретились, связана прежде всего с тем, что когда-то здесь жило балтское племя пруссов, родственников нынешних латышей и литовцев. Если бы история сложилась иначе, не исключено, что здесь могло бы образоваться четвертое балтийское государство. Я видела фотографии довоенного Кёнигсберга, и, конечно же, невозможно без содрогания смотреть на то, что сделала с городом война. Но меня радует, что здесь ощущается бережное отношение к тем небольшим сохранившимся островкам Восточной Пруссии — оно прослеживается даже в архитектурном стремлении сохранить какую-то особенность этой территории, не подгонять ее под один шаблон с тем, что мы можем увидеть в других регионах России.

У нас, в Латвии, к сожалению, с сохранением культурного наследия, особенно если это касается «нетитульной» нации, возникают известные проблемы. Например, в Риге есть памятник Петру I, сохранившийся в достаточно хорошем состоянии; это единственная конная статуя в Латвии, но установить ее невозможно по политическим мотивам. То же самое касается Колонны Победы в честь войны 1812 года: она уже многие годы лежит где-то на складе, и все по той же политической причине вопрос о ее установлении не подлежит решению.

Но я хочу заметить, что и в царский период, и во время Первой независимости исследователи и журналисты достаточно активно работали над изучением истории культуры русского населения Латвии. А эта культура имеет давние корни: балто-славянские связи зародились еще до нашествия крестоносцев, и не будем забывать, что христианство сначала пришло на эту территорию с Востока и лишь значительно позже крестоносцы огнем и мечом навязали местным племенам свою веру. Русское коренное население в Латвии имеет давнюю историю: официально считается, что оно начало формироваться здесь во второй половине XVII века, когда на территорию Латвии, спасаясь от преследований российских властей, бежали староверы.

К сожалению, в советский период тема этнических исследований, в том числе истории русских, была практически закрыта, особенно это касалось крайне интересного во всех отношениях периода 20–30-х годов XX века. Хотя и тогда находились те, кому удавалось обходить эти запреты, в связи с чем я хочу назвать имя глубоко уважаемого мною

Юрия Ивановича Абызова, который, будучи членом Союза писателей, получил доступ в спецхран Латвийской национальной библиотеки. Работая там долгие годы, он провел титанический труд — создал опись всех статей о Латвии, которые публиковались в советской прессе с 1917 по 1944 год. Он работал, прекрасно понимая, что в своей стране опубликовать это никогда не сможет. В конце 1980-х годов ему удалось переправить этот труд на Запад, где книга вышла в Стэндфордском университете.

Начиная с 1990 года мы наблюдаем всплеск интереса к русской истории и культуре на территории Латвии — образно выражаясь, на сегодняшний день существует уже достаточно большой шкаф исследований на эту тему. Сделан значительный шаг вперед, и он помог русским понять, кто же они такие на территории Латвии. Когда в начале 1990-х годов мы стали организовывать просветительские семинары для русского населения, поначалу они проходили в довольно напряженной обстановке, аудитория подчас достаточно агрессивно относилась к той информации, которую давал лектор. Но сейчас ситуация, я считаю, нормализовалась, и она способствовала сближению внутри русской общины. Кроме того, это в какой-то степени просветило и латвийское общество, которое с удивлением для себя восприняло некоторые вопросы.

Хочу рассказать, как возник Институт русского культурного наследия. Все началось с того, что по просьбе депутата Европарламента Татьяны Жданок группе историков было поручено подготовить выставку «Русские Латвии», которая прошла в 2008 году в Риге, в 2009 году — в Европейском парламенте, а в конце того же года — в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве. При подготовке выставки мы поняли, что не сможем отразить в ней весь собранный материал, и решили перенести его в Интернет, где он сейчас размещен по адресу www.russkije.lv. В настоящее время сайт находится в стадии разработки. Основной упор мы делаем, во-первых, на сбор статей, которые были посвящены истории русских в Латвии, во-вторых, на персоналии, и в-третьих, на публикацию семейных фотоальбомов, которые дают представление об очень сложной жизни русских в переломные моменты истории. Причем мы пытаемся представить картину мозаичной: мы показываем разные слои русского населения — и тех, кто имеет здесь давние корни, и тех, кто приехал в Латвию сравнительно недавно, но уже успел внести значительный вклад в жизнь страны.

Андрей Красноглазов, директор Таллинского института Пушкина. Я хотел бы заметить, что все наши высказывания сегодня так или

иначе связаны с соотношением политики и действительности. То же касается и русского языка, который существует в двух качествах: как та реальность, которой оперируют политики — и здесь свое слово о нем начинают говорить правозащитные организации, — и как реальность бытовая, существующая на самом деле.

Русский язык, как и любой другой язык, выступает транслятором различных культурных ценностей и смыслов, обеспечивает преемственность поколений. И в этом смысле хотелось бы обратить внимание на то, что сейчас объединяет все прибалтийские республики, — на молодое поколение. Это те русские дети, которые пошли в национальные школы — литовские, латвийские, эстонские. В Эстонии, при всех очень удручающих процессах, касающихся русских школ, число таких детей в последнее время лавинообразно растет.

Какие опасности я здесь усматриваю? В эстонских школах русский язык как родной не преподается; соответственно, русские дети не умеют читать, писать, не знают культурного и исторического фона своей этнической родины. Родители зачастую не осознают этой проблемы, а государство ею не занимается. Безусловно, это проблема общая — где воспроизводство русской интеллигенции, где те люди, которые будут развивать и поддерживать язык, культуру? Эта проблема требует вмешательства со стороны государства проживания, однако если речь в этом случае идет о помощи со стороны России, то я более чем уверен, что Эстония такую помощь не примет. В стране нет подготовки учителей на русском языке, и в такой ситуации вопрос о будущем русских школ становится особенно проблематичным: кому же вскоре понадобится школа, если в ней некому будет преподавать?

Сергей Мазур, основатель альманаха «Русский мир и Латвия». В своем кратком выступлении я хочу дать информацию об альманахе «Русский мир и Латвия», который я вместе с коллегами издаю. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность фонду «Русский мир», который осуществляет финансовую поддержку альманаха.

В одном из последних номеров альманаха рассматривается проблема перевода в диалоге социокультурных парадигм. Мы обозначаем диалог культур горизонтально: это диалог русской и латвийской интеллигенции, в альманахе публикуются лучшие гуманитарии — философы, лингвисты, историки — из России. Еще один выпуск альманаха представляет публикацию документов (мы осуществляем ее с 2004 года), связанных с именем единственного православного святого Латвии архиепископа Иоанна (Поммера). Мы сотрудничаем с профессором Латвийского университета Юрием Сидяковым, который не

имеет другой возможности опубликовать эти материалы, кроме как в нашем альманахе. Следующий из выпущенных за последнее время номеров альманаха представляет проект российско-латвийских культурных связей — мы знакомим наших читателей с видными писателями и поэтами России.

Проблематику русского языка и культуры мы стараемся вынести за пределы Латвии: мы обсуждали ее в Доме русского зарубежья, а также в первом частном Гуманитарном университете в Екатеринбурге, и стенограммы этих обсуждений также вошли в альманах. Последний из вышедших на сегодняшний день выпусков посвящен человеку, которого можно и нужно назвать патриархом русской культуры в Латвии, кто объединил три ее поколения, — Борису Федоровичу Инфантьеву. В выпуске представлены биографические материалы, раздел «Русские писатели о Латвии» и книга исследователя, фактически восстановленная по рукописям: «Миф о русских в латышской литературе».

Яак Аллик. Я хочу выступить с еще одной краткой репликой. Сколько бы ни говорилось о необходимости отделить культуру от политики, сделать это все-таки очень трудно. Я продолжаю думать о том, примет ли Эстония помощь России в открытии русских культурных центров. Мне представляется, что если это делается от имени отдельных фондов, то фонды как раз можно подозревать в своих намерениях; но если это будет делаться на уровне государственных договоров и при этом, например, помощь России русским центрам будет связана с возможностью помощи Эстонии финно-угорским центрам в России, то отказаться от такого предложения Эстонии будет очень трудно.

Михаил Швыдкой. Хочу сказать несколько слов в завершение нашей беседы. Я думаю, что сегодня был достаточно серьезный и содержательный разговор о том, что происходит в реальности в наших странах.

Мы возвращаемся домой, продолжаем жить каждый в собственной среде, но есть две вещи, которые нас объединяют. Мы озабочены проблемами культуры в своих странах, мы считаем, что культура — это очень важный инструмент развития, а не просто некая виньетка; что это, пожалуй, один из немногих *реальных* инструментов развития. Мы обеспокоены тем, что качество языка и культуры падает, и считаем, что нужны государственные усилия, чтобы поддержать язык и культуру. Мы согласились с тем, что для интереса друг к другу нам, во-первых, нужно создать среду для общения, во-вторых, более тесно общаться на уровне высших учебных заведений, потому что многие

проблемы находятся сегодня именно в сфере образования. Мы хотим, чтобы более активно общалась молодежь, и для этого тоже нужно открыть все имеющиеся возможности.

Я прекрасно понимаю, что у каждого из нас в стране — своя сложившаяся политическая практика, которую мы не можем не учитывать, делать вид, будто этого не существует. Для меня стало очень важным замечание г-на Аллика о том, что к поддержке со стороны фондов можно относиться с подозрением, а межгосударственные механизмы работают лучше, понятнее и прозрачнее. Наверное, это тоже необходимо учитывать, поскольку элемент взаимной подозрительности в наших отношениях, к сожалению, все еще существует. Мы должны создавать условия для существования литовского, эстонского, латышского языков на территории России, изучать их там, где есть возможность и необходимость. Словом, я думаю, что сегодняшний разговор — это скорее некая прелюдия; и действительно, мы могли бы создать в Калининграде площадку для обсуждения самых разных проблем. Эта площадка может передвигаться, потому что у этой территории есть русский фактор, а есть литовский фактор — а есть, кстати, и немецкий фактор, и польский фактор.

Подготовил *Алексей Черняков*

**ОБЩЕСТВО:
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ
СЛЕД**

...Калининград занимает особое место в «сценариях будущего», особенно в «сценарии Надежды», поскольку он является своеобразным перекрестком, на котором сходятся дороги многих стран, ведущие в будущее <...> В большей мере это — духовно-нравственный перекресток, своеобразная духовно-политическая сверхзадача.

В. Тильманов

...В России гуманитарная культура сейчас стремительно развивается, и вместе с тем ее составная часть за пределами страны — культура диаспоры — не является источником ее формирования и уж тем более не ставит перед собой цель сохранять культуру многомиллионной России.

С. Мазур, А. Романов

Сейчас нам нужно тратить как можно больше усилий, чтобы противостоять разным соблазнам. Так что мой XXI век — век борьбы за свои ценности, которые принадлежат классическому прошлому.

Молодежь XXI века (размышления студентов)